

Анатолий ЛАПТЕВ,

*заслуженный деятель искусств Казахстана,
лауреат Премии Президента РК
в области СМИ*

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

(Вольный пересказ занимательной истории двух неординарных судеб, начавшейся в середине прошлого века и продолжающейся в нынешнем – моей собственной, режиссера, оператора, журналиста Анатолия Павловича Лаптева, и искусного мастера-краснодеревщика художественных промыслов Михаила Ивановича Михайлова).

*Радость захоронена в степях,
может, глубоко, а может, рядом,
мы живём и познаём себя
по закону сохранения радости!*

Олжас Сулейменов

Напутственное слово

Итак, уважаемые почитатели путешествий во времени и пространстве – в добрый путь со мной, Анатолием Лаптевым, – вашим проводником! Рассчитываю, что он будет наполнен интересными событиями и не слишком вас утомит. Начну же я это свое, говоря высоким слогом, историческое действо под названием «Забег по закоулкам собственной памяти», как и положено, с самого начала! Надеюсь, что в дальнейшем к нам присоединятся, проявив солидарность, также и любители острых ощущений, тире, экстрима. (Для справки: лишь те, кто находится в хорошей физической форме и сможет выдержать этот «многостраничный» марафон с препятствиями). Ну а перед тем, как стартовать, вытащу-ка я на свет божий парочку скелетов, пылящихся в шкафу, и поделюсь некоторыми своими профессиональными и прочими секретами. Один из них касается выбора тем. При этом главным определяющим критерием служит их особенность, неординарность, ну и читабельность, то бишь привлекательность сюжетов, в основе которых лежат непростые истории людских планид. Так вот, о моей журналистской кухне. Беря в разработку коллизии, происшедшие с заинтересовавшим меня человеком, я предварительно препарирую, а затем скрупулёзно муссирую череду событий, непосредственно связанных с ним, а также их последствия, кардинальным образом повлиявшие на повороты судьбы (зачастую поучительной) героев моих будущих зарисовок, очерков либо эссе, представляющей определенный интерес не только лично для меня, но и для любопытствующего электората. Скажу честно, как на духу, что во время (скажем так) творческого процесса меня почти всегда тянуло, да и продолжает всё еще тянуть на занудные

«моралите», глобальные обобщения и прочую литературную «эквилибристику», одобренную сногсшибательными гиперболо-метафорами и всякими там тропо-морфологическими штучками. Но, стоп! На этот раз я для себя твёрдо решил – в вводной, которая задает тон всему дальнейшему повествованию, особо умничать и «растекаться “мыслию” по древу» не стану. Жонглируя пространными «кроками», постараюсь излагать их содержательную часть языком предельно ясным и понятным. В заключении же этой своей, «углублённой заявкы» я, в качестве эпиграфа к моим речениям (в дальнейшем буду иногда называть их затесями, – образный термин, придуманный Виктором Астафьевым), позаимствую строку из подзабытого шлягера: «в жизни раз бывает ...надцать» лет». Так вот, по моему разумению, это самое и «однажды, и один только раз», в наибольшей степени относится ко вчерашним школярам, каковыми когда-то был и я, ваш покорный слуга, и Михаил Михайлов – главный герой этого повествования.

Будь готов – всегда готов!

Дорога, она, знаете ли вы, приверженцы сидяче-диванного образа жизни, полна-полнехонька неожиданностей. Особенно много их, этих не всегда приятных сюрпризов, выпадает на долю журналистов истинных, по призванию. Причём независимо от ранга, будь то рядовые СМИ или же их старшины, посвятившие всё свое время (рабочее и не только) любимой профессии. Постоянно находиться в движении, в нескончаемых поисках эксклюзива, убойных сюжетов, в общем чего-то этакого, из категории вон выходящего, – обычное состояние их мятущейся души, ну и тела тоже. ... Случилось так, что в один из роскошных весенних дней, в ведро, неисповедимые стёжки-дорожки привели меня (в то время собкора «Казтелерадио» и новостной программы ЦТ – «Время») в одно из живописнейших местечек на окраине Усть-Каменогорска. Сплошь покрытое ковром благоухающего разнотравья, в розово-белом наряде цветущей сирени, оно источало тот самый, ни с чем не сравнимый аромат моего далекого забубённого детства. Попал я в этот райский уголок не случайно. Здесь, под кронами столетних дубов старейшего городского сада, названного в честь его основателя «Панкратьевым», проходил сбор пионерских дружин восточной столицы республики, посвященный очередной и весьма важной дате – Дню пионеров (поначалу это был «профессиональный» праздник советских скаутов, в дальнейшем переименованных в пионеров – этакую донельзя политизированную и, так сказать, «идеологически подкованную» детскую организацию Страны Советов, носящую имя В. И. Ульянова-Ленина). Трещали барабаны, надрывались горны, и на всю здешнюю округу раскатисто звучало (как и полагается в подобных случаях) обязательное: «Взвейтесь кострами... – и далее – ...Мы пионеры – дети рабочих».

В моей голове (помню как сейчас) сразу же замелькали картинки из того светлого времени, тех незабвенных дней, весело, с помпой проведенных много лет назад в столице КазССР – Алма-Ате (ныне ей не только поменяли название на Алматы, а еще к тому же и в статусе понизили. Столицей-то она осталась, но только уже теперь с прилагательным «южная») в компании моих одногодков, приехавших из всех областей республики. Про Алма-Ату, про то, какой это замечательный город-сад, я, для своего юного возраста «товарищ», скажем, довольно начитанный, был неплохо информирован. Забегая немного вперед, сообщаю (предваряя возможные вопросы и косые взгляды, прошу считать эту информацию не как комплимент самому себе), что в начале 80-х мною был снят авторский фильм с говоря-

щим названием – «Город, который люблю», к которому я даже сподобился сочинить текст песни, посвященной Алма-Ате. Музыку к ней написал популярный казахстанский композитор Сейдолла Байтереков. А исполнила ее восходящая звезда шансона – Роза Рымбаева. Правда, поначалу она, видимо, проконсультировавшись с кем-то из коллег (возможно, с мужем), петь отказалась, сославшись на стихотворный текст, где были такие строки: «Гранит холодный Ала-Тау / Рассветным небом заалел, / От солнца мир твой потеплел, / И люди все добрее стали...», сказав, мол, «а что, люди раньше были злыми?»

Помог авторитет Олжаса Омаровича Сулейменова, которого я попросил поправить дикторский текст к фильму, а также самолично его и прочесть. Мэтр согласился, чему я, конечно же, был несказанно рад. Он убедил певицу в том, что это всего лишь метафора. Человек весьма занятый, он принял активное участие в работе над лентой (даже снялся в эпизоде, где читал свои несравненные стихи студентам КазГУ) не только потому, что считал меня своим учеником и другом, но и по причине того, что Алма-Ата была его Пенатами, его родным Шаныраком, и относился он к городу-мечте с большой, можно сказать, сыновьей любовью, воспринимая и её, и всё, связанное с ней, как нечто живое, как некую одушевленную сущность.

*Мой город во вселенной знаменит
тем, что другим его не заменить.
...Здесь я увидел свет одной весной
в домишке возле крепостного вала
(точной, на Караванно-Крепостной),*

*здесь мать меня в ладонь поцеловала,
сказала: «Будешь мастером, сынок,
несовершенства мира обернутся
на руки эти и падут у ног,
коснешься их и – красотой очнутя».*

Известно, что нет дыма без огня, и совсем не зря большое количество уютных улочек и переулков Алма-Аты носили в то время и, возможно, некоторые из них носят и сейчас, названия представителей местной флоры. Любопытный факт. Юрий Антонов, известный российский бард, свое предпочтение отдает прогулкам не по проспектам «центральным и важным», а именно по ним, уютным, с нежным ароматом цветущих яблонь, улицам («...Пойду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...»), которые он прославил в своем популярнейшем хите. О высоком статусе «отца яблок» (для многих других мегаполисов СНГ недосягаемом) также тепло поведал Ян Френкель – автор шлягера из того несравненного времени. Напоминаю слова его припева: «...Алма-Ата – не город, а сама мечта».

Тогда, в далеком 1956 году, мы, участники Республиканского слета пионеров, в полной мере ощутили на себе, что это так и есть, именно мечта, и что живописнейший город у подножья величественных гор с дюжиной прорезающих небесную синь ослепительно белых пиков вполне сравним с райскими кущами. И это, и многое другое, вне всякого сомнения, пришлось по душе пионерии, съехавшейся из всех уголков республики. Поэтому-то достойнейшие представители ребячьего рода-племени Казахстана с большим удовольствием дефилировали (под звуки сводного оркестра погранучилища, сопровождавшего колонну) вначале по живописным улицам, окаймленным свечами пирамидальных тополей и сетью многочисленных арыков, наполненных ледниковой водой, бегущей с близлежащих гор, затем, сделав стремительный марш-бросок, продолжили этот импровизированный парад-демонстрацию уже по широченным городским проспектам, носящим имена величайших мыслителей второго тысячелетия – Абая и Ленина. И там, и здесь все мы, так называемая пионерская элита республики, в перспективе – будущие ударники на стройках коммунизма (во всяком случае в то время

многие так считали), воодушевленные праздничной обстановкой, дружно, не жалея голосовых связок, скандировали речитативом: «...Пионеры Казахстана клятву Родине (тогда, имея статус могучего и нерушимого «Союза республик свободных», отчизна была для всех общей) дают», а затем, приостановившись у памятника Ильичу, для того чтобы отдать честь вождю мирового пролетариата, на призыв старшего пионервожатого «Будь готов!», дружно отвечали – «Всегда готов!»

От судьбы не уйти

Стать делегатом этого замечательнейшего детского форума мне посчастливилось не только из-за, допустим, некоего стечения неких обстоятельств, но и благодаря активному участию во всевозможных выставках со своими оригинальными поделками (особенно мне удалась действующая модель подлодки с резиновым движком). Воздаю должное журналу «Юный техник», на который я начал подписываться лет этак с десяти. Его приложение служило мне большим подспорьем при выборе наиболее интересных конструкций действующих моделей и их изготовлении. Ну и, конечно же, не последнюю роль сыграла здесь и моя увлеченность фотографией. Постигнув основы «светописи» в совсем еще юном возрасте, я, постепенно совершенствуясь, начал делать в ней определенные успехи. Во всяком случае многие жители моей прибрежной улицы Зыряновская с удовольствием участвовали в моих доморощенных фотосессиях и даже оплачивали (иногда используя бартер) свои «изо». Некоторые из моих фоторабот, которые я иногда выставлял на всевозможные конкурсы, были (извините за нескромность) отмечены престижными дипломами. Всё это, в целом, и привело в конце концов к такому вот замечательному, я бы даже сказал, судьбоносному для меня результату. Многочисленные и разносторонние «творческие потуги», принесшие определенный успех и даже известность (в узком кругу) юному фотохудожнику и мастеровому, были замечены соответствующим начальством, которое и поощрило меня, делегировав на открывающийся в Алма-Ате 20 июля 1956 года «Второй слёт юных пионеров Казахстана». Эту, скажу я вам, новость, сногсшибательную для моей неокрепшей психики, поведал начальник нашего пионерского лагеря, носящего имя (ныне подзабытое) Героя Советского Союза Олега Кошевого – юного комиссара антифашистской подпольной организации комсомольцев «Молодая гвардия», многие из членов которой отдали свою молодую жизнь (Олегу было всего семнадцать лет, самому младшему – четырнадцать) за Родину.

Так вот, произошло это событие, изменившее мое отношение ко многим вещам, в самом разгаре летнего сезона. Незабвенная, полная приключений и положительных эмоций пора. Этакое своего рода тамошнее «сафари», которое в связи с «форс-мажорным» обстоятельством пришлось прервать на самом интересном месте. Моим же родителям досталась незадача срочно озаботиться и, чуток поднатужившись, срочно оттуда экстрадировать своего хотя и непутевого (так, немного повзрослев, я одно время себя позиционировал), но тем не менее очень любимого отпрыска, а затем, взяв заначку, отложенную на «черный день», потратить ее на достойную для сыночка экипировку – «Делегат, как-никак. Едет в стольный град на людей поглядеть, да и себя показать». Ну, а далее – всё просто. Руки в ноги – ту-туу, и, удобно (для меня, пацана неискушенного, можно даже сказать – с комфортом) устроившись на верхней полке плацкартного вагона, двигаться в известную неизвестность под убаюкивающий аккомпанемент ритмично перестукивающих колесных пар. Прибыв из пункта А – станция «Защита», в пункт Б – перрон станции

«Алма-Ата-2», я был, что называется, по настоящему ошарашен. Шум, гам. Толпы спешащих людей, визг тормозов и рёв клаксонов авто всевозможных (только представьте, даже забугорных) марок, и, что особенно поразило, изобилие невероятных размеров яблок, гроздьями свисающими с веток из-за забора прямо на улицу.

Но самое интересное нашу делегацию, да и другие тоже, ожидало впереди. И, скажу я вам, это было нечто. Начиная с незабываемых встреч со знаменитостями, посещений музеев и прочих развлекаловок. Вишенкой же на торте стал визит в республиканский оперный театр, где нам была предложена, верите, не верите, классика (во какими были уже тогда продвинутыми организаторы детского праздника) – далеко не детский спектакль «Шельменко-денщик». Такие вот мероприятия с культурным уклоном перемежались с многочисленными состязаниями «юных талантов», съехавшихся со всего Казахстана, ну и, надо особо отметить, наиболее ценно во всем этом – везде и повсюду царила праздничная и непринужденная атмосфера, способствующая раскованному общению друг с другом. Напомню, что такие вот, самые близкие дружественные контакты между людьми, де Сент-Экзюпери, автор «Маленького принца» и ряда других литературно-философских шедевров, считал непреходящей роскошью, верхом всех (включая даже плотские) удовольствий. Вот всё это вкупе стало для меня, как я позже осознал, первым звоночком, некой отправной точкой для прокладки стези, формирования моей будущей планиды. Со временем еле слышное бречание переросло в призывный мощный набат, который в дальнейшем, по мере моего взросления, и стал определяющим в выборе окончательного и бесповоротного жизненного credo.

Страсти по «синема»

Следующим моим, с позволения сказать, амбициозным шагом к намеченной цели – быть не последним в очереди за манящими воображение образами мира невероятных возможностей, стало завершение среднего образования в ШРМ (школа рабочей молодежи). Перешел я после восьмого класса средней школы – стандартного дневного обучения на «шаромыжное» вечернее по весьма прозаической причине – нужно было подзаработать денюжку для личных нужд, включая планируемую в ближайшее время поездку в Баку – навестить дорогие сердцу родные места, ну и, что наиболее важно, ради рабочего стажа, дающего дополнительные баллы при зачислении в институт. Так вот, завершив обучение, как и положено, в срок, по схеме, далекой от классической, и получив на руки аттестат зрелости (чтобы избежать в нем троек, старался изо всех своих ребячьих силенок, даже для этого пару раз пересдавал тригонометрию, в которой, увы, был ни «бум-бум»). В сухом остатке – чуток «пятерок», остальные «хорошо»), я тут же приобрел толстенный справочник для поступающих во все существующие на одной шестой части суши вузы. Долго его мусолил, выбирая из многочисленных высших школ наиболее престижную. Остановился на трех – МГИМО, Литинститут и ВГИК. Поколебавшись, решил: негоже тебе, братец, гоняться за тремя зайцами, и сделал выбор на крайней справа. Затем, естественно, занудная зубрежка всякой всячины, которую задают экзаменаторы, типа: кто автор «Божественной комедии»; скажи-ка, батенька, какое количество Кариатид украшают собор Парижской Богоматери (коварный вопрос, есть ли они там вообще); или еще: назови, любезный, дату Куликовской битвы. Далее всё пошло... нет, к сожалению, не как по маслу, скорее, как в пословице «Скоро сказка сказывается, да...», и первый блин оказался, к моему глубокому сожалению, комом. «Наскоком по Европам» в этот раз, увы, не получилось.

Но знайте – отступать от задуманного не в моих правилах. В конце концов пресловутый Рубикон, который многим был не по зубам, был преодолен мной вброд, и я (заметьте, со щитом) праздную победу. Поступив на операторский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии лишь с третьего захода, я, тем не менее, был счастлив, как никто. Гип-гип, ура! Наконец-то осуществилась моя давнишняя мечта. Да, думаю, и не только моя. Попасть в стены прославленного вуза в те годы (полагаю, что и сейчас) было трудноосуществимым желанием многих моих сверстников. Теперь, на склоне лет, я понимаю, чего стоило мне, моему молодому неокрепшему организму участие в растянувшемся на несколько лет «поступательно-вступительном» марафоне. Какого неимоверного физического и умственного напряжения, бесполезных трат времени и средств, ну и потери солидного количества родимых нервных клеток, которые вроде бы как и не восстанавливаются. Так что усилия, связанные с преодолением этого барьера, по своей сути вполне соответствуют известной понятийной вещи – «пройти через огонь, воду и медные трубы».

Но были в этой канители и свои плюсы. Предэкзаменационные страдания и экзаменационная нервотрепка меня довольно хорошо закалили, поэтому многолетняя учеба в престижной московской киношколе, в общем-то, не легла на мои плечи тяжким бременем. Хотя негатива хватало. Особенно доставали курсовые работы с их зауем и приснопамятный график, невыполнение которого в означенные сроки грозило отчислением. Хорошо, что всё когда-то хорошо заканчивается. Окончилось и мое «хождение по мукам», пусть даже оно и было добровольным. Немного оклемавшись, я принялся за дипломную работу – съемки соавторского (на пару с известным казахстанским журналистом Адрианом Розановым, сыном двух российских знаменитостей – Натальи Сац и Сергея Розанова) фильма «Исследователи». Процесс длился довольно долго, так как при съемке отдельных эпизодов я использовал самые современные, продвинутые режиссерские находки и операторские приемы, в числе которых я нередко применял, довольно затратный по времени, так называемый «метод наблюдения». Но, как говорят в подобных случаях, овчинка стоит выделки. После того как ленту отсмотрели члены Государственной экзаменационной комиссии, ее председатель Игорь Слабневич (оператор многих известнейших лент, таких как оscarоносная «Москва слезам не верит» и пятисерийная киноэпопея «Освобождение», за которую был удостоен Ленинской премии) пожал мне руку и тепло поздравил за столь неординарную (по его мнению) работу, сделанную на высокопрофессиональном уровне, а затем, размашисто расписавшись в дипломе, поставил в соответствующей графе ведомости жирное ОТЛИЧНО.

Получив на руки документ, подтверждающий мою кинематографическую «квалификацию-тарификацию», я тут же, «не отходя от кассы», вплотную приступил к своему самому любимому занятию, именуемому в просторечье «синемой». Это «наиважнейшее из искусств» и стало делом всей моей дальнейшей жизни. Одновременно (одно другому не мешает), довольно основательно изучив все заморочки, связанные с синтаксисом и пунктуацией, ну и прочие хитрости словотворчества и пройдя соответствующий отборочный кастинг, я влился в ряды служителей новой музыки – тележурналистики, набирающей в эти годы большую популярность. Правда сие произошло не сразу, дело-то было для меня новое. Потребовалось какое-то время для его освоения и какой-никакой практики. Поначалу работал в качестве разъездного тележурналиста, а затем получил почетную (хорошо было бы, еще и хлебную) должность собкора «Казтелерадио» по восточному региону республики. По-

сле же известных событий девяностых имел честь заведовать какое-то время Усть-Каменгорским филиалом МГТРК «Мир».

Невероятное в вероятном

Невероятно, но так иногда бывает! Дело в том, что в давнем пионерском сборе, о котором было выше упомянуто, проводимом на пленэре, под сенью развесистых деревьев, участвовал (как я впоследствии, сопоставляя отдельные факты, неожиданно для себя узнал) и бойскаут Миша Михайлов – будущий талантливый краснодеревщик, который через десяток с хвостиком лет станет героем моего репортажа. Снимая для новостной программы Центрального телевидения «Время» очередной сюжет на одном из городских предприятий, выпускающем продукцию с художественным уклоном, я обратил внимание на молодого паренька, старательно обрабатывающего на токарном станке довольно любопытную деревянную поделку. Я включил камеру, а затем, представившись Михаилу Михайлову (так звали моего визави), задал ему пару вопросов. Этот эпизод стал, по мнению редакции, изюминкой моего материала. Так началось наше знакомство, которое постепенно переросло в дружбу, длящуюся вот уже более четверти века.

Как-то, еще в начале нашего знакомства, Михаил пригласил меня в гости в свою «хибару» барачного типа. В те годы он проживал в одноэтажном рабочем пригороде Усть-Каменогорска с говорящим названием – Отрываловка (официально – поселок Красина). Во время несколько затянувшейся трапезы с обязательным (таков уж обычай) распитием рюмашек «чая» он поведал мне свою «термоядерно-душещипательную» историю. Выслушав его исповедь «от и до», я еще больше зауважал своего нового сотоварища. Особенно мне импонировала его давняя увлеченность художественными промыслами, где в качестве сырья используются ценные древесные породы. Позже он мне показал коллекцию оригинальных изделий, каждое из которых изваяно им в единственном экземпляре (так сказать, эксклюзив) из живого материала, коим является дерево. То, что в нем теплится жизнь, было в свое время наглядно «подтверждено» (не без помощи Алексея Толстого) незабвенным папой Карло. Вообще же в дальнейшем, при моем более углубленном знакомстве с филигранной техникой краснодеревщиков, ну и некоторыми нюансами их замечательного промысла (которые я бы назвал – «способы общения с подручным материалом, требующим к себе деликатного отношения»), и непосредственных контактов с теми, про которых без всякого преувеличения можно сказать – квалификация их «от бога», я могу уже с полной уверенностью заявить, что они, помимо своего природного дара, позволяющего им создавать подобные (буквально на шедевральном уровне) уникальнейшие изделия, работают, нет, правильной будет сказать – творят не покладая рук, вкладывая при этом в них, в эти, вне всякого сомнения, истинные произведения искусства, еще и свою душу.

Эзотерика параллелей

Предлагаю считать эти несколько затянувшиеся славословия, переходящие в тирады, лирическим отступлением. Дальнейшее же поэтапное повествование (мое автобиографическое и биографическое – Михаила) начну со следующей риторической реплики: «И как же так могло случиться, что по прошествии довольно большого времени наши стежки-дорожки пересеклись?» Что это? Некое стечение обстоятельств или чего-то эдакого, из категории неведомого? Разборки этого феномена (назову его подарком судьбы) вполне можно отнести к прерогативе «Теории вероятностей». Хотя... нет и

нет! Немного поразмыслив, я склонился к мысли, что все-таки вопреки ей. Ну, да ладно, не буду на этом заикливаться, заморачивая голову не только себе, но и другим. А спущусь-ка я, пожалуй, на бренную землю с ее реалиями, и займусь, наряду с аналитикой, разрешением собственных незадач. Обращаясь не только к наитончайшим материям эзотерики, но и к прозе жизни, и проанализировав ее отдельные этапы, прошедшие у Михаила Ивановича, как и у многих из нас, в трудах и нескончаемых заботах о хлебе насущном, можно с абсолютной уверенностью сказать, что она, его жизнь, по сравнению, допустим, с моей, оказалась далеко не сахар. Извилистая, сплошь в буераках и ухабах, вся из коварных кунштюков, прочих нелицеприятных неприятностей, она создавала нашему «страстотерпцу» массу трудноразрешимых проблем. Думаю, что пишек Миша за все его непростые годы становления как личности схлопотал более чем достаточно.

Ну и, завершая эти свои «измышлизмы», сопоставимые с небезызвестным плачем Ярославны, должен откровенно признать – жизнь моего героя по сравнению с моей проходила более насыщенно и интересно. Она была не только весьма содержательной, но и поучительной, что вызывает (непроизвольно) белую зависть. И это аксиома. Что дальше?! А дальше то, что перед тем как продолжить заявленный выше «бег с препятствиями» по анналам и закоулкам своей несколько подуставшей памяти, подобью-ка я «сальдо» и окончательные итоги этой (назову-ка я ее, допустим, благотворительной) акции, всё тщательно проанализирую и, в заключение, «прорезюмирую» ту, уже изложенную часть Мишиной истории, продолжающейся и по сей день. Оно буквально в двух предложениях. «Судьба-злодейка, порядком потрепав юного экстремала со светлой головой и поняв, что он ей не по зубам, смирилась. Поверив в его недюжинные способности и даже талант, она привела парня (явно не без участия высших сил, в кои сама и входит) к желательному для него исходу. Аминь!»

Лепота как призвание

Прежде чем поведать несколько прелюбопытнейших вех из уникальной биографии Михаила Михайлова, который, по моему (и не только) мнению, наделен необыкновенным даром превращать обыкновенное полено в нечто, в ту самую красоту, которая, как считают наиболее продвинутые умы человечества, должна в преддверии грядущего (судя по множеству прогнозов бабы Ванги) то ли Апокалипсиса, то ли, на худой конец, Армагеддона, вплотную заняться спасением мира, я с полной ответственностью (имею на это законное право, как человек немало поживший и много повидавший, а также еще и потому, что еще в советское время был отоварен званием заслуженного деятеля искусств) заявляю, что уникальный промысел (заметьте, не ремесло), основой которого служит дерево, является одним из самых редчайших явлений в области мирового культурного наследия. Истоки его, судя по дошедшим артефактам, берут свое начало в далекой древности. Это обстоятельство позволяет ему в сфере современного декоративно-прикладного искусства если не потеснить самых именитых, то занять в ней, наряду с остальными, свою собственную нишу. Возможно, кто-то посчитает неубедительным мое мнение, высказанное во славу «древа жизни» и его апологетов, этаким повтором, перепевом сугубо личностных всплесков положительных эмоций. Так вот, априори предваряя «но» возможных оппонентов, сообщаю – делаю я это абсолютно сознательно, воздавая должное одному из незаслуженно забытых народных промыслов, граничащих с большим искусством. Именно им, изделиям из красных пород дерева, обретших с помощью рук

искусников вторую жизнь, подвластно главное в сложной натуре человека – они способны затронуть самые потаенные струны его души. Причем это относится к людям разных социальных слоев и конфессий, а также не зависит от их национальности, возраста и образовательного ценза. В общем, всех тех истинных почитателей совершенного и прекрасного, которые способны по достоинству оценить эту несравненную лепоту, излучающую живое тепло.

Имярек

Продолжая неспешной трусцой, но не расслабляясь (все-таки идет ма-рафон), двигаться к заветной финишной черте, я, чтобы ненароком не заблудиться в лабиринте собственных мыслей, понемногу разматывал путеводный «клубок мадам Ариадны», – не теряя нить этого, несколько затянущегося, монолога. По ходу сообщаю, что на пути к пониманию жизненной стези моего героя был целый ряд спонтанных встреч с Михаилом, пусть и происходивших, к моему большому сожалению, от случая к случаю, но, как правило, состоявших из приватного общения «тет-а-тет». В откровениях моего собеседника я постепенно узнавал множество довольно любопытных штрихов его родословной, которые многое объясняют. Оказывается, в крови прадеда моего собеседника, носящего те же имя, отчество и фамилию, что и у Миши – Михаил Иванович Михайлов, и являющегося родоначальником славной династии Михайловых, присутствовала «голубая составляющая», полагающаяся аристократам соответственно их рангу (Мишин предок был потомственным дворянином). Коренной петербуржец, он, как и вся знать Северной Пальмиры – тогдашней столицы Российского государства, был человеком гордым, с обостренным чувством чести. Так получилось, что в его судьбе случился «зигзаг», и ему пришлось защищать и достоинство женщины, и свое на дуэли, запрещенной царским указом, за что, в наказание, был он депортирован на восточную окраину империи, а именно на Рудный Алтай, в вотчину «бергалов» – заштатный городок Риддер. Там он нашел свою избранницу, подарившую ему первенца, которого назвал Мишуткой.

От него и пошла традиция новорожденных мальчиков, являющихся продолжателями дворянского рода, называть через раз этим библейским именем, которое переводится довольно претенциозно: «Кто как бог». Здорово, не правда ли?! Хотя, раз уж зашла речь о значении имен, то знайте, от своего – Анатолий, я тоже не в обиде. Оно имеет двойное значение – «восточный» или же «восходящий», что вселяет надежду в случае каких-либо неудач или, там, житейских передрыг (естественно, не санкционированных свыше) особо не расстраиваться, а поднапрячься и, подождав удобного момента, взять реванш, а затем, по возможности, и карт-бланш. В продолжение темы про высокородное происхождение моего героя – небольшая ремарка, в которой не премину упомянуть и про свое собственное, которое тоже не лыком шито. Родословная Лаптевых, их генеалогическое древо (его моя дочь Анастасия в последнее время усиленно возвращает и уже добилась определенных результатов), отдельные из ветвей которого она разыскала в архивах, открыли картину, которая сближает нас. Меня – Анатолия Лаптева и Михаила Михайлова. Так вот, оказывается, мои предки также происходили из привилегированных слоев общества, но, правда, несколько ниже, чем у моего товарища, рангом. И назывались они однодворцами. Это было удивительное сословие мелкопоместных дворян, не сумевших доказать свое знатное происхождение, но, тем не менее, они пользовались значительной частью льгот, отпущенных царем-батюшкой для своих слуг, а главное, полной свободой в своих поступках и действиях. Жили они обычно дворами, этаким своеобраз-

ной коммуной, обособленной от всех. Скорей всего поэтому-то их и называли однодворцами.

Как молоды мы были

Моему герою повезло. Он родился и был наречен родовым именем в тот самый, знаковый для Михайлов день – шестого сентября. (Опять эзотерика! Мой день ангела тоже шестого, но только февраля.) К слову! По астрологическим выкладкам – все, кто родился в этот день – счастливые люди. Следующее подтверждение Мишиной неординарности заключается в том, что помнит он себя, ну и кое-что вокруг себя, аж с полутора лет. Среди эпизодов, наиболее сильно врезавшихся в его неокрепшую память, были в основном те, в которых он принимал непосредственное участие. Предположительно, с этого момента и началось его осознание себя как личности. А вот у большинства тех, кто не готов «таскать каштаны из огня», понятийное восприятие окружающего мира начинается с гораздо более позднего возраста. Обычно это связано с каким-нибудь ярким, типа сильной вспышки, событием. Лично у меня это была встреча (первая после рождения) со своим отцом. Весь донельзя израненный, но, хвала Спасителю, живой, он, слегка подлечившись в полевом госпитале, сразу же после окончания Великой Отечественной вернулся домой. Это было нечто такое, из ряда вон выходящее, что я буду помнить до скончания дней своих. Данное экстраординарное событие, сродни грому с ясного неба, развивалось по следующему сценарию. На меня вдруг (в это время я собирал винную ягоду, используя в качестве корзины подол рубахи, – этакая, с позволения сказать, тога римского патриция, скроенная из маминого отслужившего платья) откуда-то сверху пахнуло чем-то, дотоле мне неизвестным, а затем огромные теплые руки приподняли мое щедротное тельце (я только что переболел корью), кисти винограда посыпались вниз, а я взгромоздился на папины плечи. Еще помню ударивший мне в нос резкий запах пота и махорки, идущий от выгоревшей отцовской гимнастерки. Затем мы всей семьей двинулись к морю искупаться. Так случилось, что во время отлива образовался водоворот, в который меня затянуло, и отец, спасая меня, поскользнулся на скрытой под водою скале и повредил колено. Тогда мне от роду было, в отличие от Миши, уже более трех с небольшим годков.

Так вот про неординарность Михаила Михайлова. Смекаете?! Товарищ явно находится под плотной ангельской опекой. И не только. Не забывает «хомо сапиенсов», отмеченных Создателем, и всемогущая матушка-природа. Далее, в продолжение биографических погружений и детализации отдельных черт характера Михаила Ивановича, я, немного подумав, решил: а не воспользоваться ли мне безотказной формулой «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты», ну а также и еще некоторыми другими частностями. Точно! Пожалуй, так и сделаю. Начну с самых истоков, с начала формирования бойцовских качеств Миши. В первую очередь это были бескомпромиссные, стенка на стенку, уличные баталии дворовой ребятни с пограничных улиц «Отрываловки», разделившейся на «белых» и «красных». Вне всякого сомнения, всё это можно характеризовать как своего рода школу выживания в токсичной среде, которую представляло разношерстное народонаселение частного сектора, проживающего на городской окраине. Здесь я проведу некоторые параллели между мной и моим героем. Я, как и он, рос с семи лет также на отшибе, почти соответствующей по многим своим признакам некоей резервации. Находился этот, с позволения сказать, «камышинный рай» в противоположной от Мишиных Пенатов стороне, и именовался он «Новой Гаванью». Назвали его так, по-видимому, из-за того, что деревянные бараки

и развалюхи, вперемежку с щитовыми домиками, были возведены на шаговом расстоянии от живописного берега горной реки Ульбы. Населял эту довольно экзотическую часть Усть-Каменогорска в основном пришлый люд. Это была публика довольно проблемная, ее костяк состоял из так называемых «вербованных» или, как ныне принято говорить – контрактников, среди которых нередко встречались и экземпляры с криминальным прошлым.

Теперь по поводу токсичности среды. Миша в разлюбезной Отрывалке чувствовал себя как рыба в воде – был своим среди своих. Другое дело я, бывший столичный житель (место рождения – мегаполис Баку), родители которого в одночасье поменяли прописку. На новом необжитом месте я первое время чувствовал себя белой вороной. Меня, любимого, человека по своей природе мирного, никого не трогавшего, неспешно бредущего после школьных уроков в «фазенду» – свое уютное родовое гнездышко (финский домик, расположенный буквально в паре десятков метров от воды и окруженный по периметру саженцами тополя), подлавливала местная шпана, которая, как я понял позже, находила удовольствие в том, чтобы не только, сквернословя, поиздеваться над чужаком, но и надавать ему хороших тумаков. И даже (случалось и такое) наиболее из них «отмороженные», с явно садистским уклоном, кидали вслед, в меня, всем, что попадет под руку. Поэтому, во избежание более серьезных эксцессов со стороны юных «люмпенов», домой меня частенько сопровождала «учительница первая моя», которой за ее доброту я несказанно благодарен и по сей день. Но всё течет, и всё, по определению Гераклита, меняется. Время, которое «лечит», шло, я выросел, и всё понемногу устаканилось – помогла пацаньяча дипломатия. Я завел голубей – дутышей, турманов и даже почтовых (занятие в подростковом сообществе весьма уважаемое, да к тому же еще и прибыльное), соорудил около дома «спорт-комплекс», еще кое-какие завлекаловки. В общем, нашел безболевые точки соприкосновения общих интересов с великовозрастными вожаками местной крутизны. Но, пожалуй, вот на этой позитивной ноте мой автобиографический экскурс пора и закончить, вновь возвратившись к Мишиной истории.

Так вот, в затыжных и «кровавых» схватках (где не редкость разбитые носы и порванные рубахи) за гегемонию над подконтрольными противоборствующим сторонам территориями, рядом с Мишей, можно даже сказать, плечом к плечу, отстаивал честь родной земли его близкий приятель Капа, в будущем – довольно большой человек. (Для справки: возмужав и окончив с отличием военное авиаучилище, Капа – Капен Ахмадиев умел подняться до самых высших эшелонов власти – дослужился до звания генерал-лейтенанта и одно время даже возглавлял ВВС Казахстана). Следующим важным этапом на извилистой Мишиной стезе стала школа – «первый раз в первый класс». До седьмого включительно мой будущий герой репортажа учился «ни шатко ни валко», но в восьмом, на его счастье, объявилась особа (назовем это подарком судьбы), коренным образом повлиявшая на дальнейшую жизнь отрока. Надо сказать, что была эта ученая леди бо-ольшим знатоком крючкотворства знаменитого древнегреческого математика с философским уклоном. (Наиболее популярный, из его непреходящих деяний, знаменитый «прикол», ставший школьной классикой, – «Пифагоровы штаны на все стороны равны»). Так вот, эта ученая леди (надо сказать, довольно симпатичная) сумела обнаружить в неисправимом троечнике невероятные математические задатки и благодаря (не без этого) своему женскому обаянию сумела заинтересовать Мишаню в своем, довольно специфически-казуистическом, предмете, а затем эти самые задатки помогла ему невероятно развить. (Забегая вперед, сообщая, что в дальнейшем, после окончания школы, великолепное знание

всяких «гео» и прочих «метрий» позволило Михайлову без особых сложностей поступить в Томский политехнический институт на престижнейшее отделение, готовившее специалистов для АЭС).

Пробный камень

Шли приснопамятные (не для всех) семидесятые годы прошлого столетия, которые позже назовут временем застоя. Склонен думать, если «что да как» в этом отрезке славной истории Страны Советов нынешнему поколению мало интересны и вообще – «до лампочки», то в благодарной памяти простых людей, живших в то «благословенное» время, он останется как «золотой век»: мирное небо над головой, водка стоила копейки, ну и всего прочего было в достатке. В том числе и всевозможных вузов – поступай в любой, что Михаил и сделал, подав документы в ТГУ. Полагаю, что на его выбор в какой-то мере повлияло то, что в его родном Усть-Каменогорске, который по праву считается сердцем Рудного Алтая, сосредоточено множество промышленных предприятий. В том числе и флагманов цветной металлургии страны. Это орденоносные Свинцово-цинковый и Титано-магниевый комбинаты. Особняком от них стоит и успешно, что важно для дальнейших словесных эскапад, функционирует еще один лидер – ранее небольшое засекреченное номерное производство, выросшее со временем до огромного завода (любопытный, можно даже сказать, курьезный факт из прошлого – как только из труб этого, только что возведенного секретного сооружения, огороженного по периметру высоченным забором с колючей проволокой поверху, появился первый дымок со специфическим запахом жареной кукурузы, тут же городские остроумцы присвоили ему кликуху – «почтовый ящик»). Теперь это бывшее номерное предприятие «Средмаша» расширилось в разы и специализируется на производстве уранового топлива для АЭС, а также целой линейке редкоземельных элементов, и носит название Ульбинский металлургический завод. Кстати, именно из-за его специфической продукции журналистская братия Запада в своих, частенько отдающих желтизной, статейках именует старинный город на Иртыше не иначе как «Атомогорск». Так вот, по поводу Мишиного выбора. Окончательное решение несостоявшийся (к большому сожалению, хотя..., кто знает?) ученый-ядерщик принял после того, как просмотрел пару раз только что вышедший в прокат популярный советский блокбастер – «9 дней одного года». Но, человек полагает, а Бог (мы все под ним ходим) располагает. Что-то (я так и не смог допытаться – что именно) пошло не так. Проучившись пару семестров, Миша забрал документы и... «были сборы недолги». А ведь вполне вероятно, что на инженерно-научном поприще парня ожидало блестящее будущее. Сродни с тем, которого достиг его друг Виктор, по фамилии – Вагнер. После окончания ТПИ с красным дипломом тот довольно резво прошел путь от рядового инженера до должности директора Балаковской АЭС. А вот сокурсник и кунак Вагнера (псевдоним МИМ) Михаил Иванович Михайлов избрал совсем иной путь-дорогу, найдя на этом, сравнительно коротком (хвала Всевышнему) временном отрезке свой, только ему понятный «цимус» в разгрузке железнодорожных вагонов, которую затем поменял на более «престижное» занятие в качестве подсобника каменщика. Работы, и та и другая – наитяжелейшие, под стать одному из двенадцати подвигов Геракла – уборке Авгиевых конюшен. Но, что было, то было.

У любого из нас, ступившего на грешную землю, своя, и далеко не торная дорога, ведущая к избранной цели. Каждый ее отрезок, даже незначитель-

ный, преодолевается непросто. Жизнь, она, увы, состоит из двух монохромных полос. Белая сменяется черной и наоборот. Истину эту в своем, широком понимании смысла происходящего в мире, как помимо нас, так и с нашим непосредственным участием, хорошо усвоил главный герой очерка. Осознать это и до конца понять помогла Мише, человеку не без «царя в голове», замечательная повесть пролетарского писателя Максима Горького «Мои университеты», в которой многие жизненные коллизии, описанные автором, были более чем близки Михаилу, напоминая в отдельных эпизодах и его собственные. Школа жизни, те уроки, которые она щедро нам преподает, не имеют аналогов. Для каждого они индивидуальны. Нельзя измерить ни коэффициент их полезности, ни затратную стоимость. В этом они схожи со здоровьем, которое нельзя купить ни за какие деньги – они бесценны.

Лучшее – враг хорошего

Народная мудрость гласит: «Всё, что ни делается, всё к лучшему». Нежданно-негаданно... нет, пожалуй, все-таки ожидаемо, вмешалось вездесущее провидение. Подоспело время, когда нашему герою – Мише Михайлову – молодому «джигиту» из Восточного Казахстана надлежало отдать свой гражданский долг Родине. Военкомат не дремал, и в час икс ему была вручена повестка о призыве в Советскую армию. Новобранцу несказанно повезло. Проходил Михаил «службу срочную, службу солдатскую “ать-два левой”» в составе гвардейской дивизии советских войск ПВО. После успешного завершения курса молодого бойца ему, как отличнику боевой и прочей подготовки, было доверено охранять небо столицы Литвы – Вильнюса (установки, которые он тогда обслуживал, назывались «С-75», они были родоначальниками нынешних «С-400»). Честно, от побудки до побудки, оттрубив на боевом посту положенный срок, гвардии рядовой Михайлов после долгожданного «дембеля», долго особо не раздумывая, взял да и рванул в «Москау», имеющую тогда статус главного города одной шестой части суши планеты. Спонтанный поступок этот, как всегда, был в Мишином любимом стиле – сплошная импровизация под названием «авось». Этаким, с позволения сказать, самонадеянный малый с амбициозными замашками, он еще не знал и не ведал, что провинциалов в стольном граде особо не празднуют, и что «Белокаменная слезам не верит». Вот и пришлось бедолаге начинать тяжелейшую борьбу за свое место под солнцем (будь моя воля, я бы такую козырную жилплощадь именовал Олимпом) в качестве, нет, конечно же, не кочегара, и даже не плотника, а обладая престижной, овейной романтикой профессией монтажника-высотника. Зачеты на получение этого высокого (так тянет скаламбурить – высотного) звания он, как и положено неординарной личности, сдал на пятерку и был сразу же направлен на ответственный столичный объект – возведение нового кинотеатра со звучным именем «Новороссийский», видимо, названного так в угоду Леониду Ильичу, тогдашнему генсеку Политбюро, памятуя о его фронтовых подвигах на Малой земле. В общем, в духе того приснопамятного и противоречивого времени, того, неистребимого и поныне, чиновничьего, идущего еще со времен царя-батюшки – «чего-с изволите-с» и доходящего и ныне до маразма, идолопоклонства перед властью имущими.

Учиться и... не только

Подзаработав денег и укрепнув не только материально, но и физически, а главное – довольно плотно общаясь с рабочей элитой, еще и поднабив духовно, бывший гвардии рядовой пошел ва-банк. Только представьте, он, классический провинциал, набрался смелости (которой, оговорюсь, ему

не занимать), взял да и подал документы не куда-нибудь, а в престижнейшую Бауманку (МГТУ). Конечно же, пришлось (не без этого) порядком поволноваться, но звезды ему благоволили, и всё пошло как по маслу – госпожа Удача в этот раз была на его стороне. Новоиспеченному абитуриенту не сказано повезло, хотя не последнюю роль сыграли пресловутые «терпение и труд», да и свое веское слово сказала его разлюбезная карма. Преодолев запредельную конкурсную планку, он, вполне успешно, без каких-либо протекции и блата, прочих «социальных лифтов», сумел набрать проходной балл и, о боги, поступить. Вот и еще одно сближение параллельных прямых – Мишиной и моей судеб. Та же Москва (резиденция ВГИКа, моей альма-матер), с сумасшедшим ритмом жизни, к которому нам, пришельцам из глубинки, стоило больших трудов приспособиться, престижнейшие институты с конкурсом «выше крыши», и на десерт – московская «абитура» с замашками снобов, не упускающих случая поставить подножку конкуренту – лоху (по их мнению) из Тьму-Таракани. Опять те же препоны на нелегком пути ускоренной адаптации к московским порядкам.

Так вот, в продолжение институтской темы и связанных с ней проблем, свалившихся на голову нашего героя. Чтобы не слишком расслабляться, Михаил проявил свойственную ему природную смекалку, ну и недюжинные задатки стратега. Он, не теряя дорогого времени, тут же составил на ближайший семестр план действий или, как теперь принято говорить, «дорожную карту», и тут же, не откладывая в долгий ящик, список первоочередных задач, поставленных перед собой, взял быка за рога и по пунктам принялся их выполнять. Первым делом студент-первокурсник кинулся в вузовскую библиотеку, где помимо учебников поднабрал еще и целый ворох справочной литературы, ну а затем, отыскав укромный уголок, вплотную приступил к тому, что в ученой среде называют – «грызть гранит науки». И, надо сказать, делал он это вполне успешно. День за днем, постигая азы ядерной физики с завидным упорством маньяка, Михайлов (еще раз убеждаюсь, какой он все-таки способный малый) вскоре добился неплохих результатов в предмете, где сам черт голову сломит. Одновременно с «обязаловкой» – сдачей кучи зачетов наряду с курсовыми работами, Миша, для того, чтобы со временем стать «своим среди чужих», принялся постепенно, «степ бай степ», осваивать особенности столичной жизни, московского менталитета и прочие заморочки жителей Первопрестольной. Нарботанный жизненный опыт (армия, производство), умение контактировать, открытый и добрый, покладистый характер казахстанского «джигита» сокурсники оценили. Признав за сравнительно короткий срок в нем лидера, они избрали Михаила Михайлова профоргом курса. Факультет был в фаворе, студенты Бауманки, в отличие от других московских вузов, получали повышенную стипендию. Благодать да и только. Учись себе да учись, а уловив часок-другой свободного времени, посвети его, ты, выюнош с самой окраины глубинного государства, культурному образу жизни. Посещай театры, музеи. Принимай активное участие в тех же встречах с приглашенными знаменитыми учеными, со звездами кино и эстрады, довольно часто проходившие в стенах Бауманки, ставшей за время учебы близкой и родной.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Не срослось! Успешно проучившись тройку лет и приобретя столичный лоск, Миша Михайлов неожиданно (возможно, даже для самого себя) купил плацкартный билет в один конец. Точкой назначения была милая сердцу станция Защита (ныне Оскемен-1). И, помахав, как водится, на прощанье рукой, мол, «гуд бай», Златоглавая, – был таков! Эдакая вот, скажу я Вам, нехарактерная

история с неожиданным финалом, подходящим под определение «Жизнь прожить – не поле перейти». Что поделаешь. Кое у кого подобные головокружительные виражи и повороты судьбы бывают куда покруче.

Древо жизни

Эх-ма, тру-ляля! Такие вот, разэтакие дела-делишки иногда происходили, да и происходят по сей день с непредсказуемым Михаилом Ивановичем Михайловым. Он как та «кошка, гуляющая сама по себе». Не стал заморачивать себе голову высоко престижной (да к тому же еще и денежной) работой на хитроумном коллайдере, разгоняя на нем до сумасшедшей скорости всевозможные нейтрино и пи-мезоны, а решил посвятить свою последующую жизнь деятельности, связанной в какой-то мере, нет, неправильно, в полной мере с творчеством. Подручным средством для этого он выбрал красные породы дерева. В метаморфозе, происшедшей с несостоявшимся деятелем от науки, предположительно повинны (что не исключено) гены его предков, которые, судя по отдельным передаваемым из поколения в поколение Михайловых байкам, владели искусством резьбы по дереву. В берестяных грамотах, дошедших до наших дней, у древлян-язычников этот народный промысел назывался божьим. Общеизвестно, что во многих религиях дерево весьма почитаемо, особенное же место оно занимает в их праматери – Тенгрианстве. Служа посредником между стихиями – Небом и Землей, оно так же, как и эти божества, считается священным. СобираТЕЛЬНЫЙ образ этого фетиша носит в мифологии название «Мировое древо жизни». Так что тем, кто избрал профессию краснодеревщика, посвятив для этого себя целиком работе с теплым, живым материалом, – надо только завидовать. Ведь наиболее из них талантливые (утверждаю со стопроцентной уверенностью) находятся во время священнодействия (только так и не иначе) с материалом в состоянии, сопоставимом (без преувеличения) с катарсисом, и это, конечно же, положительно сказывается на чертах характера мастеровых.

Недавно, накануне дня рождения Михаила, я решил чуток попытать его вопросами «за жизнь». Мне пришлось порядком поупражняться в красноречии, вытягивая из добра молодца, «что да как, и почему». В чем же, в конце концов, все-таки кроется причина того, чтобы так вот, запросто, оставить учебу в элитарном вузе, насыщенную, полную соблазнов и всего «самого, самого» столичную жизнь, а затем, вернувшись домой, начать всё с чистого листа, предпочтя редкой и почитаемой профессии физика-ядерщика малоодоходную и скромную (на мой, конечно же, взгляд, хотя вполне возможно, что я ошибаюсь) стезю мастера-краснодеревщика.

Начал же я свое интервью с несколько провокационного вопроса. Считает ли он, Михаил Михайлов, что любое из искусств (в их ряду стоит, как известно, и декоративно-прикладная работа с деревом) требует жертв, и какую из жертв принес ты, чтобы заняться любимым делом. Ответ от моего визави, человека не особо разговорчивого, получить мне сразу не удалось. Было долгое молчание, затем реплика, типа известной присказки «...ну что сказать, ну что сказать». Наконец, через некоторое время, мэтр изрек: «Ну и ну, вот так, сходу и не сообразишь» – далее его прямая речь, лишь слегка объясняющая его столь нелогичный не только для меня, но и для его близких поступок.

– Мое решение оставить учебу в престижном вузе назвать жертвенным нельзя, в этом контексте можно, допустим, сослаться на чёрта, который меня дернул (дьявол, он ведь всегда прячется в деталях), хотя... – тут Миша сделал паузу, – нет-нет, всё это не то. Просто на меня откуда-то, до сих пор не

могу понять откуда, вдруг неожиданно снизошло. Я вдруг неожиданно прозрел, поняв, что все эти зубодробительные головоломки, связанные с ядерной физикой, не для меня и не мое. Да и, ежели честно сказать, очень заскучал по дому. Для меня понятие «родные Пенаты» – антипод гнезда, которое птенец, оперившись, покидает и больше в него уже не возвращается. Человеческая же природа иная. С годами любого из нас тянет в места, где в нашей жизни прошла ее самая светлая пора – детство и отрочество, где ты состоялся как личность, где остались твои родные и близкие, ну и – кореша-единоверцы. Извини, что не сдержался, перешел на «феню». Общаться по работе иногда приходится на языке, принятом и понятном в среде простых спецов, далеких в своих речениях от каких-либо изысков и прочих литературных прикрас.

Тайны красного дерева

Наш дальнейший разговор я продолжил, переключившись на производственные темы. Дело в том, что продукция Михайловского ИП пользуется у горожан большой популярностью, и проблем с заказчиками нет. Я поинтересовался – как ему удалось достичь этого. И не собственное ли это его, незапатентованное ноу-хау, пока не подлежащее разглашению? Конкурентов в этом бизнесе предостаточно. На сей раз он был более разговорчив и, сев на любимого конька, начал доходчиво, чуть ли не на пальцах, разъяснять мне суть вопроса.

– Да нет, какой уж там секрет. Всё заключается в тяге людей, обладающих художественным вкусом, разбирающихся в таких вещах, как цветовая гармония, палитра и прочее, которых, исходя из общения и разговоров с моими работодателями за «жизнь», не так уж и мало. Они на дух не переносят ширпотреб, им подавай что-то необычное, оригинальное, коими, склонен считать (но судить, конечно, не мне), являются наши изделия из ценных пород дерева, которые, по моим личным ощущениям, хранят в себе нечто теплое, одушевленное и притягательное. Надо сказать, что эти сувенирные изделия (назову их раритетами) из «древа жизни» в наше сверхпрагматичное и роботизированное время, всё еще, слава богу, – он сделал выразительный жест, – остаются востребованными. Красота, как известно, всесильна. Она не только радует, делает человека лучше, но еще и лечит. Выполняя индивидуальные заказы, мы стараемся соответствовать вызовам времени, используя в своей практике отдельные элементы из национальных промыслов. Это и талантливые наработки зергеров, и тот же, рожденный на земле номадов, знаменитый «звериный» стиль. Ну и, чтобы оставаться на плаву, заставляю себя, да и своих единомышленников-помощников, держаться в постоянном тонусе и, конечно же, совершенствовать свое мастерство ваятеля, данное нам свыше.

– И все-таки, – не отставал я от него, – объясни, как, с позволения сказать, из обыкновенного полена получается (как в сказке «Золотой ключик») нечто, ну и заодно поделись секретом, что лично для тебя, да и других твоих коллег является наиболее сложной и проблематичной операцией при работе с «сырым» дубом или, предположим, эбеновым деревом?

– Полагаю, что в самую первую очередь – это постараться пошагово, «степ бай степ», определиться с фактурой взятой в работу древесной породы – уникальнейшего и, надо отметить, довольно капризного материала. Найти тот единственный, оптимальный вариант, который позволит вытащить на свет божий красоту, спрятанную внутри него. Ну а затем, доведя заготовку до ума, дать возможность полюбоваться ею не только истинным ценителям прекрасного, но и всем непосвященным.

Армагеддон 90-х. Искусство выживания

Далее я не удержался от соблазна поднять довольно непростую тему из области политологии в связке с политэкономией и попросил Михаила Ивановича дать оценку ситуации, возникшей в конце прошлого столетия, когда полностью поменялись прежние приоритеты, и его малая родина Казахстан, став суверенным государством, перешла в экономике на рыночные отношения. Ну и каких стоило трудов занять (сохранив при этом любимое дело) свою нынешнюю нишу преуспевающего предпринимателя.

– Хороший вопрос! Точнее, их два. Пожалуй, начну с первого. Так вот, общаясь в то время (я бы назвал его смутным, по аналогии с периодом нашествия на Руси самозванцев и прочих неурядиц) со своими заказчиками, особенно с теми, кто приближен к власти и хорошо информирован, листая газеты и смотря телевизор, мне становилось немного не по себе. Я кожей начинал ощущать, что назревают события, которые «до основания старый мир разрушат», и от этого чувствовал себя не в своей тарелке. Тысячу раз правы китайцы, говоря: «Не дай нам бог жить в эпоху перемен». Он, этот самый дух будущих перемен, постепенно начинал витать в воздухе, будоража умы и сердца советских граждан (ныне их, то есть нас, называют уничижительно – совками, что для меня абсолютно неприемлемо и несправедливо). Однако предстоящая впереди пертурбация могла быть, по определению, и судьбоносной, со знаком плюс, что вселяло большую и, как позже оказалось, наивную надежду и веру в светлое и счастливое будущее, которое тогдашние венценосные правители с высоких трибун обещали народу и которое, увы, пока так и не случилось.

Отвечу на твой вопрос о своем восприятии новой ситуации коротко. Воспринял ее положительно! Ну, а по поводу места под солнцем... Случилось так, что мои поначалу робкие шаги в области деревянного промысла (назову его хобби) постепенно стали профессией. Слегка подучившись и поднабрав кредитов для покупки дорогостоящего инструментария, я расширил масштабы своей деятельности (перевел ее на коммерческие рельсы), непосредственно связанной с любимым делом – изготовлением уникальной продукции из дерева, которая помогла мне в наисложнейший период перехода экономики на рыночные «рельсы» остаться на плаву, материально обеспечив свою семью и сохранив свой бизнес, не думать в дальнейшем о завтрашнем дне, хотя, опять же, думать, строить прогнозы на будущее никому не возбраняется.

Да, тут ничего не скажешь, Михаил Михайлов тысячу раз прав. Семья – это святое, так же, как и стремление лучшей части человечества к миру во всем мире, ну и к безбедной и счастливой жизни. И тут меня осенило. А вернусь-ка я снова к клубку Ариадны с ее волшебными нитями, связующими наши судьбы. Опять же к той самой эзотерике и прочим мистическим штучкам-дрючкам. Вернусь для того, чтобы во всеуслышание заявить о том, что у многоуважаемого Михаила Ивановича две дочки, и как это кому-то не покажется странным, у меня тоже. Параллели наших судеб, похоже, изменили направление (вопреки законам геометрии) и пересеклись. Тем не менее их история на этом пока еще не заканчивается.

Так тому и быть

В завершение нашей обстоятельной, а главное, весьма содержательной беседы я поинтересовался о ближайших планах Михайлова. Начал он с того, что: «Планы вещь довольно абстрактная, и, как гласит народная мудрость, человек может лишь полагать, а вот располагает лишь Всевышний. Недавно

наш замечательный град на Иртыше, восточная столица Казахстана – Усть-Каменогорск присоединился к проекту “Наставники”, реализацию которого ведет благотворительный фонд “Дара”. В нем уже участвуют многие из крупных городов республики. Направлена эта акция на то, чтобы помочь воспитанникам детских домов раскрыть свой внутренний потенциал и сформировать навыки самостоятельной жизни через общение со взрослыми. Мое ИП, исходя из своих возможностей, могло бы принять в этом важном деле посильное участие. Я вот, с перспективой на будущее, даже наметил для себя в этом контексте сделать кое-какие конкретные шаги, как-то: понемногу начать подготовку технической документации по выпуску расширенного, связанного с детской тематикой, ассортимента деревянных изделий. Пусть это будут, допустим, деревянные игрушки, матрешки там... Тот же прикольный Алдар-Косе, другие популярные персонажи казахского эпоса, затем, усложнив задачу, взяться за производство школьной учебной атрибутики. Ну, а далее..., как ляжет карта, – и, взглянув на гаснущее вечернее небо, улыбнувшись, добавил: – Или же буду ждать, когда в очередной раз сойдутся звезды, дав мне добро на благие дела».

* * *

До финишной черты этой непростой истории этих двух, где-то хотя и разных, но в чем-то довольно близких судеб, проходящей на рубеже двух тысячелетий еще ой как далеке! Бежать и бежать...

Река человеческой жизни извилиста. Бесконечные изгибы и повороты ее русла непредсказуемы и загадочны. Течение более чем стремительно. Глубина бездонна, но... встречаются и отмели, и перекаты. Такова истина, не требующая доказательств. Об этом и песня «Родина предков» из кинофильма «Белые воды Берели» (автор фильма и стихов – Анатолий Лаптев, музыка Эдуарда Богушевского):

*Туман над рекою, негромкая песня,
Угасший костер, запоздалый рассвет.
Бумажный кораблик плывет в неизвестность –
У праведной жизни запутанный след.*

*Далекое небо, усталое поле,
Полынные ветры, тропа в никуда...
И голос из детства, знакомый до боли –
Мой остров надежды и чья-то судьба.*

*Моё Беловодье, родные просторы,
Улыбка девчонки, цветы на снегу.
А вера моя, словно истина в споре,
Осталась одна на другом берегу.*

*Разбито оконце людского приюта,
И высох родник со святою водой.
О, Родина предков, в угоду кому-то
Вдруг стала чужой и далекой звездой.*